

136

ОСТАНОВИТЬСЯ,
ОГЛЯНУТЬСЯ

*Нонна
Орешкина*

Заставлял поверить в собственные силы

Когда хочешь рассказать о человеке, которого знала много лет, симпатизировала ему, уважала, то начинаешь уходить в прошлое. Возрождая полузабытые чувства, выскребая кусочки жизни из лабиринта памяти, пытаешься оценить то, что раньше выглядело несущественным или более значимым, чем оказалось потом.

В этом процессе есть что-то грустно-таинственное, ирреальное, хотя и вполне очевидное, тем более, если вспоминаешь о том, кого уже нет на этом свете... Однако душа его словно витает рядом, проникая в мою душу и подсознание, проверяя, контролируя истину сказанных о нём слов

Е

Его звали Диас...

Когда в начале занятий я вошла в тесный зал и растерянно остановилась в дверях, взглядом отыскивая себе место, он заметил моё замешательство и пересел в глубь ряда, освобождая мне свой стул.

Среди возбуждённых, галдящих молодых и совсем юных парней и девчат он был на удивление спокоен, задумчив и выглядел старше своих двадцати трёх лет. Правильные черты смуглого лица, высокий лоб, волнистые, смоляного цвета волосы. Опрятный, хотя далеко не новый костюм, неяркий галстук... Всё запомнилось, возможно, потому, что не раз потом по разным причинам вспоминалось.

Ведь это был тот день, когда я решилась, наконец, открыто «шагнуть» в литературу.

Сумеречный свет проникал в окна небольшого зала на первом этаже музея М. Горького, скупо освещая лица взбунтовавшихся, знающих себе цену поэтов и более скромных, малочисленных прозаиков. Лицо средних лет мужчины, стоящего за невысокой трибуной, плотно придвинутой к первому ряду стульев, оставалось в тени. Но голос, которым он старался переубедить спорщиков, выдавал волнение.

Я не знала, что это – довольно известный писатель и журналист, не знала никого из членов литературного объединения, единственного в то время в городе, и, придя впервые на занятия, плохо понимала, что происходит. А потому чувствовала себя посторонней в коллективе, где вместо умиротворённого творческого общения, кото-

рого робко просила душа, царила атмосфера накалившихся страстей и интеллектуального бунта.

«Не нужно нам никаких руководителей!» – кипятился молодой человек с грубоватым, но красивым лицом. Ему вторили девичьи голоса. Их поддерживал нестройный хор реплик.

Свергнутый не понятно за что руководитель молча взял папку с трибуны и с достоинством, не прощаясь, вышел из зала, плотно прикрыв за собой дверь.

Наступившая тишина показалась пронзительной, а потому негромкий голос Диаса, донёсшийся с последнего ряда, где случайно оказалась и я, прозвучал отчётливо:

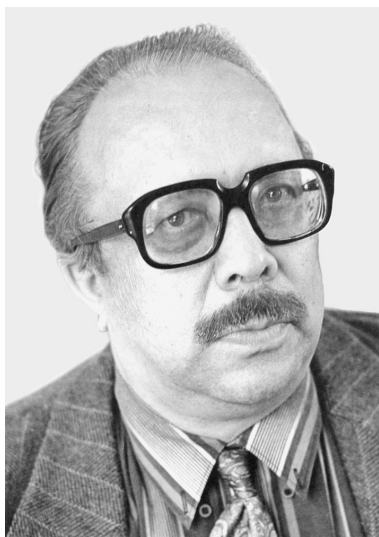
«Добились, чего хотели... А что теперь?» – ни тени укора, лишь лёгкая ирония. Лицо спокойно, выражение тёмных глаз за стёклами очков понять трудно. Он был здесь свой, не из заводил, однако в числе неявных лидеров.

И снова зал взорвался голосами. Теперь спорили друг с другом, обсуждая и доказывая непонятно что и кому. Но когда к трибуне подошёл молодой человек с копной тёмных кудрей и беломраморного цвета точёным лицом, спорщики притихли.

«Давай, Рустем, говори!» – выкрикнул кто-то из середины зала.

«Будем обсуждать друг друга... Без поблажек. И...» – закончить фразу он не успел, потому что в зал вошла женщина – работник музея, и напомнила, что отведённое для творческих занятий время закончилось, а потому пора расходиться по домам.

«Похоже, вход нам сюда теперь закрыт», – мрачно сказал Диас, когда мы в числе первых вышли на улицу.

Он словно в воду глядел... Терпение доброжелательного директора музея кончилось, и когда, спустя неделю, я подошла к одноэтажному зданию бывшей пекарни, где когда-то начинал свой трудовой путь будущий классик советской литературы, двери были закрыты. Девчата и парни – поэты и прозаики, сбившись в кучку, решали, куда идти и что теперь делать?

Года два спустя литобъединение при музее М. Горького возродится вновь, чтобы уже никогда не закрываться. И по сей день гостеприимный зал перестроенного и похорошевшего здания собирает начинающих авторов. Сменяются руководители, в творческом общении развиваются поэтические и прозаические дарования.

Но это уже другая тема, а мои воспоминания – о Диасе Назиховиче Валееве. О том нашем времени начала шестидесятых годов, когда лирико-драматические порывы и терзания казались неотъемлемой частью души для каждого, кто не мог заглушить в себе творческий зов. Ведя линию этой темы, вытягивая её как ниточку из объёмного клубка собственной жизни, придётся ещё не раз окунуться в атмосферу, которая окружала наши неровные шаги к большой литературе.

...Следующее собрание литературного объединения имени поэта Владимира Луговского проходило в большом зале на пятом этаже массивного серого здания на улице Баумана. Здесь располагалось Татарское книжное издательство. Союз писателей ТАССР занимал левое крыло на втором этаже. По просьбе председателя русской секции (кажется, тогда был Тихон Кононович Журавлёв) и было разрешено творческой смене – надежде и резерву местных писателей, собираться раз в неделю по выходным.

Читали стихи, реже рассказы. Их писали немногие, в том числе Диас и я.

У меня всё начиналось несмело, в романтических тонах. Лишь потом – на устойчивом взлёте в трудной, мужской (авиационной) теме, которой остаюсь верна до сих пор.

У Диаса уже была небольшая публикация в газете «Комсомолец Татарии». Он заканчивал геологическое отделение Казанского университета, был женат – вот то немногое, что я знала о нём.

Стихи молодых поэтов время от времени появлялись на страницах местных газет. Проходили поэтические выступления, где можно было заявить о себе и получить от благодарных слушателей заряд чистой энергии... Я не пыталась угнаться за молодёжью. У меня была работа, семья, к тому же прозаику на таких встречах делать нечего.

Рустем Кутуй уже издал свою первую книжку рассказов «Мальчишки», но в основном писал хорошие стихи. Вопрос о его приёме в члены Союза писателей СССР был предreshён, а потому авторитет его среди молодых дарований казался непререкаем.

Но верховодил всеми напористый и яркий Юра Макаров. Стихи его были то яростные, страстные, то напевные. А критика других – убийственная.

Гена Капранов казался мягче, стихи – лиричнее, но порой они звучали как набат. Оба были одарёнными от Бога, сами понимали это, и все пророчили им прекрасное будущее... Кто мог предпо-

ложить тогда, как болезненно-трагично сложатся их личные и поэтические судьбы? Как мало сумеют они сделать для себя сами, и если бы не друзья... Почему так ранима, беспомощна одарённая талантом душа? Почему так легко ломается человек, бездумно отдаваясь порочным соблазнам и глупым прихотям?

Типично женская, приятная лирика Гортензии Никитиной, чуть наивная, нежная – Нелли Земляниченко и других молодых, в разной степени одарённых поэтесс вызывали у поэтов-мужчин нередко скептические улыбки, а то и едкую критику. Обсуждали друг друга шумно, порой излишне эмоционально, но искренно. Искали новизну формы и стиля, хотелось эксперимента, этакой чертовщинки и полного самовыражения.

Добродушный и степенный Николай Беляев старался всех утихомирить, раскусить. Его «мыслящие» стихи отличались самобытностью, ни на чьи другие непохожестью. Внутренняя порядочность, знания придавали его поэзии особый оттенок и гражданский смысл.

Виль Мустафин – горячий, но сдержанный, писал неровно и явно искал свою интонацию, тему, стиль, что ему впоследствии удалось блестяще.

Своеобразный поэт Ринат Суфеев в скором времени отдаст предпочтение прозе. В обоих жанрах он прославится в Москве и станет известным писателем уже под псевдонимом «Роман Солнцев».

Булат Галеев – типичное для тех лет сочетание «физика-лирика», пригласил нас однажды на первый показ-прослушивание смонтированной им установки светомузыки «Орфей». Исполнялся «Прометей» Скрябина по классической партитуре. Разноцветные всполохи то метались по тёмным стенам и потолку тесной для них комнаты, то замирали, то растягивали мгновения, таинственно меняя цвет, рождённый звуками музыки. Всё создавало гармонию чувств и казалось так необычно, многообещающе, что запомнилось всем надолго.

Утончённый интеллигент Равиль Бухараев со своей изящной лирикой, редкий гость наших собраний поэтесса Лидия Григорьева – вскоре они уедут покорять Москву и добьются немалых успехов. Заглянет мимоходом на наши «посиделки», направляясь из деревни в столицу, решительная Мария Аввакумова... Каждый по своему строил свою бытовую и творческую судьбу. Не всегда успешность её определялась степенью таланта. В то время «оттепели», а потом «застойного» периода, требовалась решительность, интуиция, удача и ещё много всего, из чего складывается Имя. Признание коллег и читателей. Благополучие и слава.

А пока литобъединенцы азартно разрушали старые устои классической поэзии и пытались создать свои ритмы, рифмы и образы, выбирая темы сообразно личным вкусам и сложившемуся ещё нестойко чувственному восприятию жизни.

Диас находился как бы над всей этой разноликой массой в тридцать-сорок человек – постоянных членов литобъединения и случайных. Он был со всеми, и в то же время особняком не от гордости, скорее от осознания того, что мыс-

*Диас Валеев.
Студенческие годы. 1958–1959*

*Студент первого курса КГУ.
1957*

лит не так, как все, и чувствует иначе. Выпадая из творческого коллектива начинающих, в разной степени самоуверенных и одарённых молодых людей, он одновременно тянулся к ним, умел оценить точку зрения других, но остаться при своей. Включаясь в общий спор по поводу прочитанных стихов, умел неторопливо, не напрягая голос, чаще с места, высказывать своё мнение. Но не настаивал, если с ним не соглашались. Пожимал плечами и предоставлял другим спорить до хрипоты. В нём была какая-то необъяснимая, задумчивая грусть, отчего иногда он казался угрюмым.

Я садилась обычно где-нибудь сбоку и не в первых рядах, чтобы можно было видеть всех, а потому мы с Диасом оказывались близко или рядом, что давало возможность обменяться мнениями, которые у нас чаще всего совпадали. Мне это придавало уверенности. Ещё не чувствуя себя «своей» в коллективе молодых, свободных и уверенных, в свои двадцать девять лет я казалась себе безнадежно взрослой, со старомодным воспитанием, уже сформировавшимися принципами и возвышенными идеалами. Но именно это объединило нас – Колю Беляева, Вилю Мустафина, Диаса Валеева и меня, единомыслием мировоззрений и духовно.

Первый рассказ Диаса, который он читал при мне на одном из наших заседаний, назывался «Морька». Я плохо помню его содержание, но суть и чувства – то, что обычно остаётся и хранится в душе, вспоминаются до сих пор. Быть может, ещё и потому, что произведение удивительно соответствовало тому, что я и другие в Диасе ощущали. Рассказ был выписанным контрастно, чёрно-белыми красками. Угрюмый и чистый, резкий и тихий, как сама необычная девушка со странным именем и сломанной судьбой, пылкой любовью, печальный конец которой был неизбежен.

Споров, разговоров было много.

Бытовая реальность, чувство личной безысходности героини, за которой проступала правда общественной жизни, вызывали чувство протеста. Талант автора проступал отчётливо, но именно это сыграло недобрую шутку.

Кто мог тогда предположить, что «Морька» закрепит за Диасом определение «мрачная проза», неявную, но прочную антипатию некоторых писателей и надолго лишит одарённого человека возможности напечатать свой сборник рассказов в Казани.

У меня всё было проще и благополучнее. Романтик от природы, я видела жизнь иначе и даже в трагичном находила проблески оптимизма.

«Когда тебе семнадцать» – рассказ о море, первой любви, борьбе... Он светился красками, и когда я прочитала его на литобъединении, требовательным слушателям в целом понравился. Были как обычно замечания, любители экспериментов упрекали в слишком «гладком и складном» языке, а Юра Макаров сказал, что первая любовь в семнадцать лет – «чушь собачья». Он узнал, что такое любовь, – в четырнадцать...

«Не слушай его, – заметил Диас. И с иронией: – Юрка у нас во всём ранний».

Вскоре рассказ был напечатан в московском журнале и дал название моему первому тоненькому сборнику, опубликованному в Казани. Дальше всё пошло по накатанной дороге с препятствиями, которые чаще всего я создавала себе сама, а потом преодолевала.

Меня неосознанно тянуло к весомой, заземлённой (но не приземлённой!) прозе Диаса, его тяжеловатому, «выпуклому» стилю, в котором угадывалось многое между строк, что выдавало наклонность автора к философским раздумьям.

Диас же признавался, что ему нравится, как пишу я, хотя и находил просчёты, но умел сказать об этом деликатно. В обсуждении своих и чужих творений, в желании поделиться сокровен-

ными замыслами и неизбежными сомнениями завязались, хотя и поверхностные, но тёплые дружеские отношения, которые сохранились на долгие годы.

Помню тихий вечер, Лядской садик. Я сижу на кончике сломанной скамейки, Диас – на пенке. Ровный голос его звучит негромко, и слова текут неспешно, но я чётко представляю себе, как уводили из дома по ложному доносу его отца в сороковых годах, как через какое-то время отец вернулся, реабилитированный, но больной, и подросший сын его не узнал... Как непросто было потом родителям наладить дальнейшую жизнь.

В действительности всё было немного не так, но, видимо, творческое воображение уже формировало свой сюжет.

«Напишу роман, трагедию разрушенной семьи – глазами взрослеющего ребёнка, – сказал тогда Диас. – Назову коротко «Я». Как ты думаешь, это будет... не то чтобы интересно, а... кому-то нужно?»

Много лет спустя роман под этим названием будет написан, опубликован, но, начав читать, я поняла, что многоплановое произведение это о другом, более позднем времени жизни автора, хотя в нём тоже говорилось о справедливости, о чести и душе.

...Отказавшись в очередной раз от руководителя из числа писателей русской секции, литобъединенцы решили сами обучать себя. Было два-три собственных выступления на тему стихосложения, но практика эта не прижилась. Не помню, кто именно, возможно Рустем Кутуй, выбранный нами кем-то вроде председателя наших заседаний, предложил задать единую тему, которую каждый напишет по-своему – в прозе или в стихах.

После недолгих споров, чему отдать предпочтение, решили взять первое, что пришло на ум, кажется, Диасу, – «Улица». Рассказ не должен превышать пяти страниц, стихам было тоже дано ограничение. Срок – неделя, до следующего заседания. Однако народа пришло

меньше обычного, задание выполнили не все. Видимо, поэтому собрались не в пустом зале, а на сцене, небольшой группой, лишь те, кто оказался прилежными учениками. Так было проще сосредоточиться.

Вёл конкурс, или турнир, – каждый понимал это соревнование по-своему, Ринат Суфеев. Арбитрами были все. Сначала читали стихи. Ринат – что-то философски-грустное, Рустем Кутуй вспомнил улицу детства. У Юры Макарова и Гены Капранова – в своём стиле, уже не помню – что? Коля Беляев понятию «Улица» придал символическое значение жизненного пути. О чём написали поэтессы, в памяти не сохранилось. А рассказ Диаса, довольно длинный, стоит перед глазами, как написанная пастелью картина. Зрительно-чувственный образ хранится в памяти долго.

Мальчик сидит у окна и с тоской смотрит на улицу. Мчатся машины, спешат люди, затеваются ссоры, встречаются друзья – течёт жизнь, в её обычном многообразии. И мысли мальчика, не по годам взрослые, тоже текут, сплетаются. Ему хочется пройти по улице мимо своего окна, но – не может. Он – в инвалидном кресле.

Мой рассказ был вдвое короче, много проще и в необычном стиле – как эксперимент. Я не описывала деревенскую улицу, а просто вела по ней юного партизана. Под конвоем, в последний путь... Шаг... ещё шаг... Родной дом, знакомый колодец, берёза с вырезанным им на коре словом «Катя». Жизнь обрывается в неистовом рывке к свободе... Это был мой первый трагический рассказ. Помню, как плакала, когда писала. И хотя читала твёрдым голосом, но энергетика чувств передалась, и что-то случилось с суровыми, бесстрастными «судьями». Какое-то время они молчали.

Первым дал оценку Диас – отлично. Его поддержал принципиальный и строгий Ринат. С ним согласился скептически настроенный ко мне Рустем и все остальные. Это была моя первая, а

потому самая дорогая для меня из всех последующих победа.

Диас, когда мы расходимся, сказал, что рад за меня. В нём были не только благородство и рыцарский дух, свойственный интеллигентным людям, но и подлинная доброжелательность – искренняя, от природы. Она упрощала общение с людьми, подобными ему, и бесконечно усложняла отношения, доводя до серьёзных конфликтов с инакомыслящими. Не в плане несовпадения взглядов на жизнь, литературу, творчество – он принимал и уважал точку зрения других. Но не переносил нечестность, вредность, коварство в людях, улавливая проявление этих качеств в любом, даже закамуфлированном виде.

Вскоре Диас закончил геологический факультет Казанского университета и уехал с женой по распределению в Сибирь. Не помню, чтобы мы встречались, когда он приезжал в Казань, навещать родных. И как жил он там, что писал, и писал ли вообще, я тоже не знала. Но если в человеке есть творческий дар, если вкусил он горько-сладкое чувство слова, и мысли одолевают, приходит озарение, то это невозможно таить в себе долго. Возможно, он много читал, если там, где он жил, были книги. Мне кажется, именно в это время, занятое реальной работой и семейно-бытовыми заботами, зрело в Диасе то, что легло потом прочным фундаментом, на котором можно было строить произведения любого жанра. Была бы осознанная идея, сумма жизненных знаний и страстное желание писать. А тема и форма для выражения себя найдутся.

Как бы сложилась писательская судьба Диаса, если бы он остался в Казани и продолжал посещать литобъединение? Правда, под именем Владимира Луговского оно просуществовало недолго и распалось само собой, когда студенты-выпускники уехали на место работы. Те, кто был посмелее и уверен в себе, поступили в столичный Литинститут. Иногда на страницах местных

газет появлялись стихи, подписанные знакомыми фамилиями. Кто-то пришёл в литобъединение, возродившееся позже в музее М. Горького, кто-то бросил писать, отдавшись устройству семьи и быта. Но были и те, кто продолжал творить, неистово и прекрасно, выплёскивая на обрывки бумаги метущуюся в тоске душу, не находя в себе воли, не видя выхода, не ожидая чуда, которое могло бы оградить от пропасти, в которую толкали пагубные страсти и неустроенная жизнь...

Я продолжала писать, выкраивая время по ночам. Послала рассказ на конкурс журнала «Работница». Призовое место не заняла, но рассказ, который читала на литобъединении, – про море и любовь – напечатали. Потом второй, третий... В местной газете опубликовали несколько моих очерков.

Писатели русской секции, продолжая следить за тем, что происходит в «стане» молодых дарований, наметили, как я поняла потом, кандидатов для издания первой книги, с дальним прицелом – приёма в члены Союза писателей. Русская секция, хотя и крепко стояла тогда на ногах, но была малочисленной и довольно солидного возраста.

Выбор пал на меня и Николая Беляева. В середине шестидесятых в Таткнигоиздате вышли наши первые небольшие сборники. У него – стихов, у меня – рассказов. Потом я подготовила сборник повестей. У Николая публиковались подборки стихов в местной и столичной прессе. В 1969 году по рекомендации русской секции и утверждению Правления Татарского отделения Союза писателей нас приняли в Союз писателей СССР.

Из геологических скитаний Диас вернулся с семьёй в Казань года через четыре и начал работать в газете «Комсомолец Татарии». Об этом я узнала, скорее всего, от Николая Беляева, с которым встречалась, когда нас – ещё неравноправных членов Союза писателей, приглашали на заседания секции.

Там-то я и услышала случайно разговор, но не сразу поняла, что речь идёт о Диасе. И лишь когда прозвучало: «Морька», насторожилась.

Как мне показалось, эта тема без нас уже обсуждалась, но к единому мнению писатели не пришли, а потому следовало незапланированное продолжение.

«Да, он талантлив... Но именно поэтому упадочнические настроения его прозы особенно вредны...» – говорилось это убеждённо, человеком уважаемым и в целом доброжелательным. «И всё же...» – возражал его собеседник, выходя в коридор из комнаты, где мы заседали. Конец фразы я не слышала, но всё дальнейшее обозначилось само собой. Вернее, никак не обозначилось – Диаса ни на одно заседание русской секции не пригласили, и вряд ли кто-нибудь из наших писателей разговаривал с ним по душам.

Но даже если бы писательская организация встала на его защиту, существовала негласная литературная цензура, с которой и мне приходилось столкнуться не раз, не говоря уже о цензуре военной. Но мне было легче: я нашла свою лёгкую тему, в которой чувствовала себя и была бойцом. Научилась со временем писать, говоря о проблемах там, где можно, напрямую, а где нельзя – между строк.

Диас же был более категоричен. И слишком необычен был его литературный талант. Как прозаик, неизбежно утверждающий своё жизненное кредо, он не вписывался в предлагаемый и привычный трафарет советского искусства. Но именно это препятствие (возможно не случайное, а Судьбой предназначенное ему) пробудило в Диасе драматурга. В сценарии, в режиссёрском прочтении его, в игре актёров было проще, не выдавая себя полностью, выразить отношение к действительности, к обществу, к государству и жизни в целом. Обнаружить разного рода не столько производственные, а прежде всего личностные проблемы человека, и заострить внимание на решении их.

Темы Диасу подсказывала, конечно, жизнь, журналистские поездки, встречи с людьми. Героика и изнаночная сторона любой профессии, характеры, взгляды и поступки обычных людей в необычных, порой экстремальных ситуациях – всё это давало бесценный сценарный материал.

Возможность видеть своё творение со стороны, не угадывать абстрактное мнение будущих читателей, а слышать конкретную реакцию зрителей, зала – разве это не повод для авторской радости и гордости? Пожинать моральные и материальные плоды успеха, что немаловажно в начале творческой карьеры, – это всё было Диасу дано в той степени, какая помогает обрести уверенность в себе. Но далеко не удовлетворяет духовные потребности прозаика-художника, умеющего и стремящегося живописать словами.

Но я забегаю вперёд... Вернусь в 1970-й год – время для Диаса, корреспондента молодёжной газеты, во всех отношениях трудное. И как казалось многим со стороны, бесперспективное – словно испытание на стойкость, терпение и уверенность в себе.

Как-то раз я зашла в издательство по поводу готовящейся к выходу моей второй книги. Мы давно не виделись и, случайно столкнувшись в коридоре, обрадовались, заговорили сразу обо всём. Присесть было негде, и Диас повёл меня на лестницу запасного выхода, где журналистская братия обсуждала вопросы, которые не для ушей начальства.

Сейчас здесь не было никого. Мы присели на ступеньки, подстелив газеты, и Диас начал меня расспрашивать. У него был талант истинного корреспондента: разговорить человека, который его интересует. Он умел слушать, не перебивая, лишь изредка задавая наводящие вопросы, которые помогали раскрыть собеседника с самых неожиданных сторон его жизни и глубин души. Неудивительно, что я разом выложила все свои радости, сомнения, проблемы и трудности. Последних было больше.

«Но это же здорово, что от заезженной темы о любви и дружбе сумела перейти к авиационной... И столько полетать! О чём очерки?.. Большая эта повесть – о планеристах?» – Диас не скрывал своего восхищения.

Это особый дар – уметь радоваться успехам товарища. Искренне, без зависти, что ощущается всегда и помогает быть предельно откровенной – до «донышка». А значит увидеть себя со стороны, что без сомнения полезно.

«И не жалко было, проработав столько лет, уйти из института? А что из себя эта авиакимия представляет?» – он снимает очки, и как раньше делал это в моменты задумчивости, начинает протирать стёкла носовым платком. Глаза без защиты кажутся ещё темнее, чуть усталыми, но прежней печали в них нет. Только сосредоточенность.

Он с интересом выслушивает пространственные объяснения сути рабочих полётов на Ан-2 на высоте пяти метров над посевами. Потом моё восторженное описание первых полётов уже в лётном училище на сверхзвуковом истребителе, и глаза его загораются. Чувствуется, что воображение его стойко подсоединилось к работе моего мозга – его энергетическому полю, и по каналам духовных связей идёт информации намного больше той, что передают мои слова. Это подключение его мысленно-чувственного восприятия помогало создавать воображаемые образы полётов, выполненных мной в многомерном пространстве неба.

Мы оба ощущали эту необычную связь. Позже я узнала об этом феномене психики человека, изучала и поняла его природу, многократно испытывая на себе при разговоре с лётчиками до полётов и после них... Вкусив перегрузки и ощущение свободы в небе, максимальную собранность, искажение чувства времени и пространства, я преодолела естественную сложность переказа всего словами и добилась того, что внимательный читатель начинал ощущать себя сидящим в кабине самолёта.

Но тогда, на пыльных ступеньках узкой лестницы, в разговоре с Диасом я впервые убедилась в том, о чём могла пока только догадываться и мечтать. Ни раньше, ни позже у меня не было такого талантливой и благодарного слушателя. И союзника, что в то непростое время неполного единомыслия в семье было для меня крайне важно.

Диас догадался. Спросил деликатно:

«А как относится к твоим полётам муж?.. Впрочем, понимаю его... Но ты не сдавайся, не бросай эту тему, держись... Всё у тебя должно получиться». Я часто вспоминала эти слова, сказанные убедительно и в нужное время.

На мой запоздалый вопрос: «Как дела твои?» – Диас отшутился:

«Ухожу в новый жанр... Не знаю, что получится...» – и, глянув на часы, заспешил. Меня тоже ждали в редакции, но я была уверена, что выясню всё потом: слова Диаса заинтриговали.

Если поэту нужны прежде всего глубокие чувства и яркие эмоции, то прозаику необходимо знание жизни, во всём разнообразии её проявлений, включая профессии героев произведения, особенности быта и труда. Кажется, распрощавшись с геологией, Диас должен был копнуть этот завидный для писателя тематический пласт, использовать накопленные за годы геологоразведочной работы необычные знания и впечатления.

Но он сменил профессию и всё начал заново. С молодёжной газеты, с разнообразия тем, в которых находил глубокий смысл и серьёзные проблемы (о многих из них не полагалось упоминать в прессе)... Специально за его публикациями я не следила – своих домашних и командировочных (как спецкора «Правды») дел хватало. Но порой с удовольствием читала его статьи, иногда мы где-нибудь случайно встречались. Перебрасывались обычными фразами: «Как живёшь? Что пишешь?» Меня он обязательно спрашивал «Всё летаешь?»

От прямых ответов о себе уходил. «Да так... пишу... Больше в стол...»

Наконец удалось поговорить обстоятельно. Лишь тогда стало понятно, как непросто складывались у Диаса отношения с издательством, с татарскими писателями, с властью имущими разного уровня, с которыми по различным вопросам, общественным и личным, приходилось общаться. И дело было не только в принципиальности и категоричности суждений, в неуступчивости Диаса, когда он был уверен, что прав... Его упрекали в том, что он не пишет на татарском языке и даже не говорит на нём. Та же проблема была в то время у Рустема Кутуя. Но он был сыном всеми признанного поэта Аделя Кутуя, и не только собственный талант, но и слава отца освещала его первые шаги в литературе.

У Диаса, как я поняла по его словам, поддержки, на которую он мог бы рассчитывать, не было, если не считать верной и терпеливой помощницы – его жены Дины Каримовны. Окончив филологическое отделение пединститута, поработав учительницей, потом в музее, став искусствоведом и защитив диссертацию, она ещё умудрялась помогать мужу. Записывала его размышления вслух, которые он потом сам обрабатывал. Она создавала в доме обстановку, в которой Диас мог спокойно творить. Из двух комнат одна – его кабинет, главный предмет в нём – письменный стол, заваленный бумагами. И дочки – Майя и Дина приучены: нельзя папе мешать, когда он работает.

Диас говорил о жене не часто, но с гордостью и бережно, словно боялся расплескать взаимные чувства, о которых необязательно знать другим.

1971, переломный год... О том, что проходят репетиции в татарском театре переведённой пьесы Диаса «Суд совести», я узнала не от него. И на спектакле не была. Лишь в следующем году, когда в Качаловском драматическом театре поставили пьесу Диаса «Продолжение», пошла с мужем на премьеру. Вспоминается декорация – что-то в се-

рых тонах и строительные леса. Прелестная Юнона Карева и красавец Вадим Кешнер в непривычных для них ролях играли сначала чуть скованно. Но действие разворачивалось, увлекая свежестью темы, драматизмом сюжета и неясной верой в будущее создателей Автограда, что дало спектаклю впоследствии другое название – «Дарю тебе жизнь».

Начиналась и новая жизнь автора. Пьесы одна за другой выходили из-под пера Диаса, разбредались по театрам разных городов, не миновав столицу. Переводились на языки других республик, обеспечив сценаристу всесоюзное имя. О нём говорила пресса. Отношение к Диасу власти и писателей менялось. В 1973 году он был принят в Союз писателей СССР. В этом же году впервые стал лауреатом Всероссийского конкурса национальной драматургии. Спустя три года ему была присвоена Государственная премия ТАССР им. Г.Тукая.

И всё же первая небольшая книжка «Погода на завтра» вышла в 1973 году в Киеве, на украинском языке. А через два года – в Москве сборник рассказов «Старики, мужчины, мальчишки». Запомнившегося мне рассказа «Морька» там не было.

Когда я спросила Диаса «почему?», он улыбнулся скептически:

«Время Морьки ещё не пришло...».

Последующие годы были для Диаса контрастными. Но об этом, более широко и подробно напишут биографы, его родные и друзья. Мне же хочется поведать лишь о том, что я лично наблюдала и думала. Тогда в основном удивлялась и пыталась понять то, что узнавала, чаще со слов Диаса.

Шёл тысяча девятьсот восемьдесятый год. Всё та же, похожая на пенал, тесная комнатка на территории Союза писателей в «издательском» доме на улице Баумана. Я только что избрана председателем Русской секции, потому что кто-то из корифеев умер, кто-то уехал, кто-то чувствует себя больным, а значит пришла моя пора потрудить-

ся. Это был период активного сотрудничества с «Правдой», тяжёлых полётов с лётчиками-испытателями в городе Жуковском. Но, будучи выбранной коллегами на одном из заседаний секции, отказаться не смогла и старательно тянула почётную «ляжку» общественной работы. Много и добросовестно мне помогал Ахат Мушинский, назначенный на должность литконсультанта.

Диас пришёл неожиданно. Мы давно не виделись, а потому разговор начался как всегда с вопросов: «Как живёшь, что пишешь», и мне дополнительный – «Где летаешь?» О полётах и лётчиках я могла рассказывать бесконечно, но в этот раз Диас выглядел расстроенным, слушал рассеянно, и я, в двух словах обмолвившись о себе, напрямую спросила:

«В чём дело?»

Всё оказалось просто, понятно, однако как всегда кем-то запутано, а потому сложно. Диас принёс в издательство рукопись своей книги, но её отказались принять.

Я ахнула: «Ты же теперь известный драматург! Лауреат уже Всесоюзного конкурса, Тукаевскую премию получил...»

«И врагов себе нажил, в придачу...» – перебил меня Диас мрачным тоном. – Как-нибудь при случае расскажу... А сейчас я с просьбой», – расстегнул портфель и вытащил средних размеров рукопись в картонной папке, положил передо мной на стол.

«Сборник рассказов... В основном новые, но и старые есть...»

«А «Морька»?» – Я развязала тесёмочки на папке, хотела заглянуть в оглавление.

«Морьке» ещё не время... – Диас нахмурился, и прямо посмотрел мне в глаза. – Рецензия нужна, добротная. Та, что есть, их не устраивает... Напишешь? Но это срочно».

Я заглянула в конец рукописи, определяя количество страниц. Их было за двести.

«Дня два... раньше не успею, – при-

кинула я, понимая, что читать придётся ночью.

Диас кивнул, хотел что-то сказать, но в комнату вошли, и он, забрав портфель, попрощался. А я, наскоро решив какие-то вопросы и оставшись наконец одна, раскрыла рукопись. На титульном листе стояло «По вечному кругу».

Сейчас я уже не назову, какие там были рассказы, ведь прошло тридцать лет. Но «Стук резца по камню» помню. Скульптор, отсекавший от гранитной глыбы всё лишнее и словно формирующий свою собственную жизнь, был выписан, как будто тоже изваян из камня. Помнятся детали, как острая грань инструмента оставляет сколы, делает зарубки, как чувствует себя и что думает человек, творящий Чудо, и всё же недовольный собой.

Рецензия получилась такой, как надо, и вовремя. Потом я заходила к главному редактору издательства, прослеживая судьбу книги. Как председатель русской секции, я имела право опекать авторов, и делать это было много легче и приятнее, чем хлопотать за себя. Сборник рассказов был опубликован в 1981 году. В этом же году Диас стал вновь лауреатом Всесоюзного конкурса национальной драматургии. Ему было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств ТАССР. А два года спустя – Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Где решался вопрос о присуждении званий – в обкомовских партийных «верхах» и Министерстве культуры нашей республики, а может по инициативе из Москвы, я не знаю. Проходили эти события без афиширования. По крайней мере, я не помню каких-либо торжеств и объясняю это скромностью Диаса, для которого начался, казалось бы, благодатный период творческой и общественной жизни.

Мы встречались теперь довольно часто то на общих собраниях Союза писателей, то на заседаниях секции. Работы у меня и Ахата Мушинского было много: изначально малочисленная секция совсем поредела, и надо было ук-

репить её молодыми, одарёнными поэтами и прозаиками, благо было из кого выбирать.

Диас на обсуждение молодых авторов будущих книг или кандидатов для приёма в Союз писателей приходил в то время регулярно. Объективно разбирал достоинства, недостатки рукописей или книг, аргументировал замечания, давал советы. За сравнительно короткое время – пять-шесть лет мы рекомендовали в Союз писателей СССР одиннадцать человек. Правление СП Татарии, председателем которого в то время был прекрасный прозаик Гариф Ахунов, а позже драматург Туфан Миннуллин, поддерживало наше стремление, благодаря чему и образовался вскоре прочный костяк «Секции русской литературы и перевода», как мы стали теперь именоваться.

Всё было по-деловому обыденно – то интересно, то утомительно, порой тяжко. Как-то я ещё умудрялась писать сама, издавать сборники повестей и рассказов на авиационные темы. Катастрофически не хватало времени и внимания на всё и на всех. Возможно, поэтому отдельные разговоры с Диасом не запомнились – лишь в общих чертах.

Он говорил о своих проблемах. Бытовые и творческие, личные и общественные вопросы перемежались, создавая не всегда решаемые задачи. Обострённое чувство справедливости и собственного достоинства приносило страдания, неизрасходованные силы правдолюбца требовали приложения их в этом внешне благополучном, но уже пошатнувшемся мире. Эгоизм, карьеризм расцветали даже там, где царили искусство и творчество.

Опровергая чьи-то наветы, Диас писал статьи в защиту известного композитора Назиба Жиганова и наживал себе недоброжелателей и врагов. Пытался бороться за свою пьесу о татарском поэте-герое Мусе Джалиле. Но за себя бороться сложнее, чем за других.

«Ты представляешь, «День «икс»» запретили ставить! Актеры подобраны,

пьеса в работе... – с несвойственной ему горячностью говорил Диас. – Я-то понимаю, откуда «ветер дует», но в Министерстве культуры и слушать меня не хотят! Режиссёр расстроен, грозит уйти из театра... Но я не сдамся! – Диас был бледен. В тёмных глазах светилась решимость, а в голосе мне чудились слёзы.

Всё кончилось так, как никто из здравомыслящих свидетелей этой трагедии не ожидал. Пьесу не просто запретили. Для подстраховки во дворе театра сожгли все декорации.

Понять состояние Диаса было не сложно. Но как помочь?

В то время (середина восьмидесятых) я тоже окунулась в проблемы, но чужие и добровольно, что много проще. К тому же была не одна, и касалось это творческих дел конструкторов и пилотов-любителей. С поддержкой известных авиаторов, с помощью моих публикаций, мы отвоёвывали для талантливых энтузиастов официальное воздушное пространство, право свободно творить и летать. Это давало простор и моим мыслям, выход чувствам и бесконечное обилие тем.

Мне казалось, что Диасу именно этого не хватает. Глубокой, яркой, только его Темы, которой писатель непременно должен «заболеть». В которой может в наивысшей степени раскрыться его незаурядный талант... Пьесы, рассказы и всё другое, что было написано им до сих пор и сделало ему Имя, дало награды и прочее, – это лишь шаги к теме, которая заберёт его целиком, не давая возможности отвлекаться на несущественное и проходящее. Лишь ради этого стоит писать, творить, а по сути – жить.

Прекрасно раскрыв себя как сценарист, достойно поработав в публицистике, он отошёл от того, с чего начал – от художественной прозы, от того, в чём, на мой взгляд, был особенно силен. Надо было найти достойный внимания сюжет и раскрыть его с психологизмом и художественной образностью «Морьки».

Примерно это я и высказала Диасу, как только появился случай. Моё, возможно, слишком пылкое высказывание по этому поводу Диас выслушал внимательно. Не разделил моего энтузиазма явно, но и не отмахнулся: «А... ерунда!», как умел это делать достаточно выразительно. Только в глазах появилась прежняя, из тех, давних лет нашей литературной молодости, печаль.

Мне стало не по себе: словно хвалюсь, что я-то свою тему – на всю жизнь нашла, а его Всевышний пока не осчастливил, хотя многое уже к тому времени подарил... Решила по этому поводу больше не распространяться. Но когда однажды Диас снова заговорил о том, что его в открытую травят, о несправедливости, недобросовестности сидящих на высоких постах чиновников, о непорядочности видных и вроде бы уважаемых людей, не выдержала.

«Ты же писатель! Ты можешь всё это изобразить, художественно описать. Такая современная тема. И прототипы, характеры есть, обстановка, конфликты... Сам всё видишь, знаешь и понимаешь лучше других!»

Диас ответил что-то неопределённое, но я поняла – «зацепило». Подумала, что на этом злободневном материале можно создать добротный роман. Но я не приняла во внимание чувства... Когда избыток чувств обуревают, когда всё видишь слишком близко и изнутри, обилие эмоций мешает объективно оценить людей, хладнокровно проанализировать события и тонко понять проблемы. В собранном материале тонешь, я это знала по себе. И лишь спустя какое-то время, взглянув на события и себя в них отстранённо, можно увидеть реально существующих лиц, подоплёку действий, первопричину событий и создать произведение, используя то мастерство, каким владеешь.

Когда, несколько месяцев спустя, Диас протянул мне книжечку в тонком переплёте, я не сразу поняла, что это такое. А увидев подлинные фамилии, досконально изложенные факты – всё

в очерковом стиле, прямолинейно и обнажённо, поняла, что Диас мой совет воспринял по-своему. Он не хотел никаких прототипов, иносказаний, художественных средств, он жаждал схватки и не мог ждать размытого результата. Он шёл в атаку...

«Теперь врагов у тебя будет ещё больше», – огорчённо сказала я.

«А... – махнул рукой Диас. – Надоело всё...»

Я попыталась уточнить, что именно? Люди и отношение с ними или обстановка в стране – приближались девяностые годы... Но он отшутился мрачно, сказал, что устал искать положительного героя и не видит достойную тему для пера.

Сейчас я понимаю: он искал не тему. Он искал себя.

Динамичной картинкой, в цвете эмоций и ворохе мыслей вспоминается неожиданная встреча в трамвае летом 1990 года.

Диас вошёл в вагон на остановке «Парк Горького». Увидев меня, обрадовался, и я была рада. Мы давно не виделись и почти ничего о делах друг друга не знали. Но вместо привычного: «Как дела? Что пишешь?» (то, что я уже не летаю, Диас знал), он спросил: «Куда едешь? В сад?» Когда-то я упоминала, что у меня сад в Нагорном, и такое предположение было обоснованно.

Но на сей раз я ехала на занятия по медицинской экстрасенсорике. Эзотерические, тайные учения только-только были негласно разрешены, стала появляться запрещённая литература, и хлынувшие теософические и религиозные знания будоражили умы тех, кто интересовался непознанным и необъяснимым. А я с юных лет пыталась понять себя, своё место в мире, законы Вселенной, смысл Жизни, существование Души, в бессмертие которой всегда верила. И вот, наконец, стало возможно соприкоснуться с древней мудростью хотя бы на уровне полулегальных занятий, которые начали проводиться в городе достаточно образованными и

компетентными в этих вопросах людьми.

Так как для меня это было важно и безумно интересно, я начала рассказывать Диасу о биополе, энергетических потоках, об ауре человека, реинкарнации, карме...

Пассажиры прислушивались, кто-то усмехался, кто-то старался подойти ближе. Тогда эти понятия и слова были мало кому знакомы и вызывали то осуждения, то разной степени интерес.

Диас был внимателен, не перебивал, но выражение его глаз за отблёскивающими стёклами очков понять я тогда не сумела, а потому его категоричное: «Ерунда это... всё не так...», – удивило, даже разочаровало. Я хотела спросить:

«А как именно?», потому что в тоне его голоса, выражении лица угадывалось не столько сомнение или пренебрежение, а скорее убеждённость в чём-то другом, возможно, более значимом... Захотелось понять, что он имеет в виду, возможно, поспорить, но трамвай затормозил, подъезжая к нужной мне остановке. Пришлось пробираться к двери и выходить. Стоя уже на асфальте, взглянула в окно, где отчётливо было видно лицо Диаса.

Он кивнул мне, как-то странно улыбнулся. Я помахала рукой и побежала через дорогу, боясь опоздать на занятия.

Позже была встреча, насколько я помню, по инициативе Диаса. Зрительная память сохранила застывший «кадр»: неглубокое потёртое кресло, в котором сидит хозяин дома, на чём сижу я – не припоминается. Ещё не темно, но пасмурно, и настольная лампа отбрасывает на письменный стол круг света, отбеливая листы бумаги, лежащие на нём. Мы говорим...

Точнее, как всегда, легко поддаваясь магии вопроса «А ты что думаешь?..» (тем более, если задан он человеком умным и по-существу дела), говорю я. О том, что ещё не достаточно уяснила сама, но во многом согласна – о доктрине Елены Блаватской, об

учении Николая Рёриха, о «Розе Мира» Даниила Андреева, которую только что прочитала в машинописной распечатке, и о многом другом. Диас слушал со свойственной ему сосредоточенностью, но порой мне казалось, что мысли его в другом, параллельном моему миру и в ином измерении времени. Я замолкала, но он задавал какой-нибудь вопрос, иногда вроде бы не связанный с тем, о чём я говорила, но что он сам хорошо знает. Спросил неожиданно:

«А как ты относишься к религиям, в частности – христианству?»

«Как русская и крещёная в детстве принимаю православие. – И, помолчав, уточнила: – Но по духу мне ближе буддизм».

Он не удивился, сказал, что религии разобщают людей, с чем нельзя было не согласиться.

Потом незаметно мы ушли в глубины Мироздания...

Философы разных стран и теологи разных конфессий, подтверждая, опровергая или идя особняком, пытались решить в разное время вселенскую Тайну. Не имея возможности и времени изучать серьёзно их капитальные труды, я основывалась больше на своих чувствах и духовных открытиях. На фантазиях, укрощённых логикой, на внутреннем ощущении Пространства и Времени, что особенно проявляется в полётах, в Небе. На познании того, что можно почерпнуть, уходя подсознательно в Информационное поле. Настороженно общаясь с чем-то Неявным, улавливая идущие из Космоса сигналы, я, однако, не перешагивала грани разума и действительности.

Всё это я выплёскивала в разговоре спонтанно. И по тому, в какой момент и какие задавал мне Диас вопросы, чувствовалось, что он-то стоит на прочных, капитальных знаниях работ философов, теологов и мыслителей, а не летает, как я, между Мирами, в сиюминутном и вечном, пытаюсь понять Вселенную и Себя.

Постепенно я убеждалась, что он знает то, чего пока не знаю я. Но и для

него кое-что из моих находок было новостью... Временами казалось, что его размышления идут своим, более длинным, сложным путём, касаясь неведомых мне глубин и застревая в них. Моментами я плутала, а он находил наикратчайший путь по прямой, но в итоге к конечному «пункту» мы подходили одновременно и, что радовало меня, с близким результатом. Не помню, чтобы у нас по основным мировоззренческим параметрам были какие-либо существенные расхождения. Ведь мы стояли на одной платформе ведических, религиозных и философских знаний, только моя часть её была потоньше, полегче, а свою он наращивал капитально, годами, отдавая теперь этому всё своё время и страсть души.

Не беру на себя смелость утверждать, что тот случайный разговор в трамвае (хотя уверена, что ничего случайным в жизни не бывает) и та чистосердечная, в духовном слиянии беседа, неожиданная для нас обоих, стали поворотным пунктом в его творчестве. Но убеждена: Диас понял, что время сказать своё СЛОВО настало. Теперь его услышат и оценят.

Все знания, что он закладывал в себя годами, те озарения, что возникали порой, та мудрость, которой он достиг, – всё, что долгое время хранилось в тайниках его души, оставаясь невосстребованным, вдруг засветилось чистыми гранями, помогая завершить и заявить свою трансцендентальную Тему, ради которой ему стоило жить и писать.

Меня этот разговор тоже взбудоражил и окрылил. Уж если реалист и материалист (как казалось со стороны) Диас интересуется тем, что семь десятков лет советского времени считалось бредом, что изгонялось из ума и души людей, то мне сам Бог велит написать о том, что давно бьётся в мыслях и просится в духовный полёт. О сотворении Мира, о законах Мироздания, о построенной в моём воображении структуре Вселенной. О таинстве рождения и смерти, природе человека, высших и

низших Сущностей, о параллельных мирах – то, что объяснила я пока лишь самой себе.

В конце того же девяностого года я поехала в писательский Дом творчества «Голицино» под Москвой, везя тетради с записями, набросками мыслей, которые возникали, чаще в полётах, как вспышки чужого Разума. В пока ещё тощей папке хранились главы художественного романа, что-то среднее между научной фантастикой и фэнтези с условным названием «Вероятная невероятность».

Мне казалось, что здесь, в уединении, я смогу вдохнуть жизнь в своих героев, через которых выражу своё мировоззренческое кредо. Но, закончив первую часть, набросав вторую и окончившись в третью, я поняла, что отрываюсь от основных учений и прихожу к невероятным результатам, для объяснения которых мне не хватает ведических знаний.

Творческий процесс затормозился. Кто-то словесно сказал мне: «Это не твоя Тема... Утверждай то, что знаешь, что кроме тебя никто не напишет». Вернувшись домой, я положила роман на дальнюю полку и закончила повесть «Хочу как птица!..», которая вошла в мой юбилейный сборник и была издана в 1993 году.

В том же 1993 году был юбилей у Диаса (55 лет) и вышла его книга «Истина одного человека, или Путь к Сверхбогу». Может показаться странным, но я испытала своеобразное чувство облегчения. Словно Диас снял с меня часть ноши, которую я взвалила на себя добровольно, но, не сумев поднять на вершину горы, не знала, как от неё избавиться... Однако читать то, что Диас написал, я не смогла. Начала и... закрыла книгу.

Мне не хотелось разрушать свой мировоззренческий Образ и собственный заповедный мир, где до сих пор есть «полянки» и «долины», о которых знаю только я и храню до поры до времени.

И началось шествие романов Диа-

са. Он развивал концепцию новой религии и в жанре прозы художественной. Вспоминая о прошлом, размышлял как философ и вставлял необычное в оправу реальной жизни.

Не буду сейчас его произведения перечислять, разбирать, хотя многие в своё время читала и достаточно глубоко воспринимала. Иногда восхищалась, порой не соглашаясь с чем-то, и говорила об этом, если Диас, интересуясь моим мнением, спрашивал. Но о его основном Учении комментариев не делала, хотя были моменты, когда Диас пытался снова втянуть меня в сокровенную тему. Однажды объяснила откровенно, он всё понял, не обиделся и не удивился. Он уважал чужое мнение, поддерживал свободу выбора и тонко понимал настрой души.

О том, что Диас создал своё литобъединение и вёл его более десяти лет, я знала. Это естественная потребность настоящего мастера – делиться открытиями, которые в любимой профессии непременно бывают. Но как проходили эти занятия, что было явно в самом Учителе и как проявлялось его мастерство в работе с начинающими авторами, напишет его ученики.

Я лишь знаю, что Диас относился к этим занятиям трепетно, не забывая то Литобъединение имени Владимира Луговского, с которого начинали когда-то мы. Не раз, уже в зрелые годы, мы вспоминали о нашей литературной юности. Однажды Диас сказал полушутя, что старается не повторять ошибок, которые делали руководившие нами писатели, пытаясь жёстко управлять творческим процессом, который по сути своей, тем более у молодых, неукротим.

О том, что Диас поддерживает давнюю дружбу с Юрой Макаровым, я знала. Но что он терпеливо собирает его стихи, составляет сборники, а потом ищет спонсоров, чтобы издать их, я поняла лишь увидев первую небольшую книжечку под редакцией Диаса «Круг». Сам он говорил об этом как о само собой разумеющемся деле, но однажды посетовал:

«Ты не представляешь, с каких клочков, обрывков страниц замызганных тетрадей приходится стихи и строчки собирать! Такой талантище сам себя водкой убивает!» Позже он напишет о дружбе с Юрой в своём романе «Я».

Помню, как в 2003 году Диас принёс на одно из заседаний нашей секции очередной, только что изданный сборник стихов Юры «Огненный ангел» и поставил вопрос о рекомендации Макарова для принятия его в Союз писателей Тартарстана.

Мнение писателей резко разделилось. Не припомню такого бурного заседания, и Диаса я таким не знала. Он горячился, был резок, но убедителен. Секция бурлила. «За» и «против» были не по возрастной категории, не по жанровым пристрастиям. И не принципиальность профессиональная или обычная жалость к больному человеку играли здесь преобладающую роль. А то, насколько чутко понимал каждый из нас тот хрупкий поэтический мир, который так легко ломается... По собственной вине или под напором реальной – бытовой и общественной жизни, которую не приемлют Душа и Рассудок, и не спасает собственная воля или чья-то любящая рука.

Юрий Макаров был одним из тех, не вписавшихся в жизнь поэтических дарований, каких немало было, есть и, увы, по разным причинам ещё будет на нашей Матушке-Руси... Кого принимают лишь после ухода их в мир иной, и судят по тем творениям, что остались навечно в Слове, в опубликованных рукописях, которые, как известно, не горят.

Диас понимал всю сложность личностного конфликта поэта, искал способы хотя бы в конце жизни поднять авторитет не только в глазах читателей, а в собственных его глазах. Он знал, насколько важно для человека, тогда уже тяжело больного, закончить свой жизненный цикл с ощущением, что жил не вхолостую, что оставил в этом мире свой бессмертный след. И рекомендация в Союз писателей – это было

последнее, что мы – творческие люди, могли сделать для Юры. Для его Души.

Не помню, открыто мы голосовали или по «бумажкам» – формальность уже не имела значения: мнение каждого было очевидно... Мне это стоило тихой ссоры на годы с председателем нашей секции (с которым до этого дня были прекрасные отношения) – человеком доброжелательным и умным. А тут – словно коса на камень... Но Макарова мы отстояли. Рекомендация от нашей секции в Правление Союза писателей была дана.

В этот же день Диас поехал к Юре, сказал о результате, не вдаваясь в подробности.

Примерно через месяц Юра умер... Мы хоронили его – те, кто были «за» и те, кто «против», понимая, что ушёл большой поэт. Могила на Самосыровском кладбище расположилась на самом краю, на несуществующей границе – дальше тянулось заросшее жухлой травой поле. Дул ветер, было неопределённо и тоскливо, как всегда бывает в период межсезонья.

«Не хотел бы я так же... в земле», – сказал Диас. Подумав, что он имеет в виду само место, я сказала, что на Арском кладбище действительно лучше. Он ответил: «Плохо везде...» Что он имел в виду, стало понятно лишь тогда, когда появилось после смерти Диаса его Завещание... Он нашёл способ избежать того, что претило ему. Когда Душе уже не нужно долгие годы служившее ей тело-биоробот, то лучше сжечь его, чем пестовать место, где оно захоронено. Но памятники нужны. Ещё лучше – при жизни.

Творческий человек может изваять себе памятник сам. Это его произведение.

Постепенно Диас менялся. В нём появилось ещё больше достоинства, что со стороны и мало знающим его людям казалось важностью, даже гордыней. На собрании или Съезде писателей он мог встать, когда кто-то делал доклад, и, не торопясь, пройти через весь зал, не

замечая удивлённые взгляды коллег и недовольные – из президиума.

«Душно... И муторно слушать, всё это – одно и то же...» – однажды сказал мне Диас, подумав, что я его осуждаю. Он тогда уже болел диабетом.

«Больше гуляй, делай зарядку», – посоветовала я, зная, как это помогает.

«У нас собака. Не захочешь, а выгуливает меня. По лестнице – тяжело».

Не старея лицом, он становился более грузным, медлительным. На заседания нашей секции приходил редко. Когда я пыталась его затянуть, отмахивался:

«Ну что там слушать? О чём говорить?» Но приходил, когда поставленный вопрос требовал кворума при голосовании. Раза два Диас выдвигал свои книги на литературную премию имени Г. Р. Державина. Все понимали, что он достоин её, но при всём к нему уважении после тайного голосования оказывалось, что предпочтение отдано кому-то из более молодых.

«У него есть Тукаевская премия и много других, к тому же и звания. А молодых надо продвигать», – таким было мнение большинства. Диас это знал и никогда его не оспаривал, ведь некоторые из кандидатов на премию были его учениками.

Однажды принёс книгу дочери Майи – прозаика, безусловно, талантливого. Но живёт она в США, мы не видели её много лет, а потому для новых членов секции она – чужая. Диас не спорил ни защищая дочь, ни отстаивая себя. Молча собирал книги, кивком прощался и, не дожидаясь, когда все начнут расходиться, покидал комнату.

...Поговорить нам теперь удавалось нечасто, в основном по телефону. Поздравляли друг друга с праздниками. Диас не забывал день моего рождения и не обижался, если я, прозевав, поздравляла его позже. Он был удивительно терпим. С возрастом черты характера у одних углубляются, у других – заостряются, отчего близким становится колко и хлопотно. Диас же слов-

но окружил себя плотной, но мягкой оболочкой, в которой тонуло, как мне казалось, то неприятное, что могло прийти извне и задеть сокровенное, что копилось в душе. Он стал говорить медленнее, моментами казалось, что ему легче общаться методом телепатии, чем произносить вслух слова. Возможно, это чудилось лишь мне и по телефону. Я объясняла это тем, что он много работает. А когда мозг трудится и душа в покое, тогда слова, произнесённые вслух, словно мешают и хочется помолчать.

Каждый раз Диас спрашивал о том, что делается в нашей секции, хотя я знаю, что к нему приходили бывшие ученики, уже давно ставшие членами Союза писателей и нашими коллегами. Но ему, видимо, было интересно знать информацию из разных источников. Обычно по старой привычке спрашивал: «Как живёшь, что пишешь?» и внимательно выслушивал моё, уже не такое пространное повествование. О себе говорил: «Да так... Завершаю свои дела... Дышать тяжело, а балкона нет, и на улицу не выйдешь – лестница...» В трубке слышалось трудное дыхание и ощущалось сильное биополе, излучаемое на расстоянии, хотя так отчётливо оно чувствуется только при личном общении. А тут, словно тонкая, но прочная связь энергетическим лучом возникла и обрывалась не сразу после того, как кто-то из нас клал на рычаг телефона трубку.

В конце разговора он обычно приглашал: «Ты заходи, когда в наших краях будешь». Я обещала, искренне надеясь: «Постараюсь, вот только закончу повесть...» Или роман, или что-то ещё, всегда срочное. Казалось бы, в старости время должно не бежать, а ползти, чтобы потом остановиться. Но оно, вопреки логике, убыстряет своё течение, быть может, потому, что начинаешь многое делать медленнее, и времени как раньше на всё не хватает.

Когда умер мой муж – Владимир Степанович (они были знакомы), Диас позвонил мне какое-то время спустя и

после полагающихся слов соболезнования сказал то, что могут понять пока немногие, а для нас это было очевидно.

«Крепись... Душа его всё равно с тобой».

«Я знаю это. И чувствую... Так отчётливо, что порой ем и готовлю то, что он любил».

«Так и не читала моё «Сокровенное»? – помолчав дольше обычного, спросил Диас.

«Постараюсь прочитать. Сейчас над рукописью сборника тружусь, издательство последний срок для сдачи материала поставило. Опоздаю – из этого года вычеркнут».

«Это хорошо, что трудишься. Надо совершенствовать себя и мир...» – Диас говорил на удивление долго о том, во что я тоже верила и была с ним абсолютно согласна. От его слов, от него самого шёл такой сильный поток светлой энергии, что сердце перестало болеть, а изнурённый тяжёлыми мыслями мозг очищался, вновь приобретая возможность мыслить. Так лечат больных и убитых горем, не столько словами, а добротой своей души.

Последний раз мы виделись весной прошлого года. Я принесла Диасу книги, которые планировала представить на соискание литературной премии имени Г. Р. Державина.

Диас сидел в кресле. Конечно, он изменился. Фигура располнела, лицо стало смуглее, но всё та же задумчивая полуулыбка и тёмные внимательные глаза за стёклами очков. Он взял в руки сначала книгу, где на облачно-голубой обложке изображена я в защитном шлемофоне, в кабине истребителя. Спросил: «Уже не летаешь?»

Я ответила, что очень редко и на чём посчастливится.

«Название хорошее – «Полёт души», – Диас перелистал книгу, приостанавливаясь там, где были снимки. Мне казалось, что он спросит или скажет утвердительно: «Ты счастлива». Но Диас это, видимо, лишь подумал, а я

уловила. Так бывает, когда люди мыслят и чувствуют в унисон.

Толстый и хорошо изданный роман «Небо земных надежд» он подержал в руке, словно взвесил, и отложил в сторону. Я поняла – читать его не будет.

«Что-то зрение стало сдавать, – подтвердил мою мысль Диас. – Но знаю, ты хорошо пишешь. И премию – давно пора. Прийти на заседание не смогу, но позвоню Лиле, скажу, что отдаю тебе свой голос».

Обсуждение кандидатов на премию прошло в два тура. Окончательно голосовали только присутствующие и тайно. Голос Диаса «пропал», но остался во мне.

«В следующий «год прозаиков» обязательно поставлю вопрос о твоём выдвижении», – сказала я Диасу, когда он позвонил, выясняя результаты голосования.

Он словно отмахнулся: «А-а... Чепуха всё это, – и, поясняя свои слова, с усмешкой: – Надо ещё дожить... Такая жара, задыхаюсь. Сидеть ещё ничего, а лежать не могу».

Лето 2010 года было устрашающе жарким. Мне надо было спасать засыхающий сад, а в доме – капитальный ремонт, коллективные муки и частные страдания. Лишь осенью созвонилась с Диасом. Он словно ждал моего звонка:

«Ты не знаешь, как там Коля Беляев? До меня слух дошёл, что он болел. Жив ли?..»

Я обещала узнать у тех поэтов, кто поддерживает с ним связь. Выяснилось, что с Колей всё в порядке, а вот крыша его частного дома во Владимирове совсем прохудилась, и доставляет массу хлопот ему и семье. Видимо, отголосок этих негативных эмоций и уловила чуткая душа давнего друга.

«Вот и хорошо», – облегчённо вздохнул Диас. А моя душа почему-то заволновалась:

«Сейчас мне надо срочно подготовить рукопись для Москвы...» – начала я рассказывать о новой книге, которая застряла в подвешенном состоянии

между издательствами. Диас терпеливо слушал, но, как раньше, вопросов не задавал. Чувствовалось, что это его уже не интересует.

«На той неделе обязательно к тебе приду», – торопливо, но твёрдо пообещала я, чувствуя странную тревогу, не видя причины для неё, а потому ещё больше волнуясь.

«Приходи. Поговорим. Буду ждать», – отозвался Диас. В голосе его зазвучали бодрые нотки, и я подумала, что в этот раз разговор зайдёт на тему, которой коснулись... двадцать лет тому назад, в девяностом! Тогда – почти на равных, а теперь на разных уровнях осмысления и утверждения своих и чужих озарений. Он создал целостное Учение, а моё осознание того же вкраплено в разные произведения мыслями, душевными всплесками и поступками моих литературных героев. Через них я стремлюсь донести до читателя сокровенное, стараясь не пугать, не смущать тем, что он ещё, возможно, не понимает, но чувствует.

Подходы разные, масштабы разные, а цель – одна.

«Приду обязательно», – я была уверенная в том, что так и будет.

Спустя четыре дня мне позвонили и сказали, что Диас умер.

Прощаясь с Диасом, стоя у гроба, не только его родные и я, но и другие ощущали присутствие его Души. И прощальные слова я говорила, обращаясь к Диасу под воздействием ещё существующего рядом его биополя. Попросила прощения за то, что не сдержала слово – опоздала... Сказала: «До встречи», имея в виду мир тот, куда он ушёл, и где ровно два года уже был муж, Душа которого ещё со мной и будет вечно.

Какое-то время, находясь под воздействием собственных слов, я прикидывала, как распорядиться архивами, кому доверить дневники, куда отдать авиационные материалы.

Но творчески-деловая жизнь брала своё. Когда подгоняет настоящее, некогда думать о том, что неявно в буду-

щем. Дина Каримовна попросила написать воспоминания о муже, и, вклинив эту тему в свои текущие писательские дела, я решила, что сделать это несложно, потому что не так уж много было эпизодов, которые запечатлелись в памяти.

Сходу написала всё, что было за тридцать лет нашего обыкновенного знакомства, и застряла в году девяностом. Предстояло либо пройтись по дальнейшим событиям, затрагивая лишь внешнюю сторону их, либо окунуться с головой в сложный мир непознанного и очень личного. Я выбрала второе...

Уже перешагнув грань раздумий и выкладываясь откровенно, я знала, что должна наконец понять без догадок и домыслов Учение Диаса, которое он назвал «Книгой проповедей». Перевернёт ли это моё представление о человеке, которого знала полвека?

Но тут начались сюрпризы: я не могла найти книгу, где были изложены «Сокровенные знания», а электронный адрес сайта (который дал мне сам Диас при последней встрече) не открывался.

Неожиданно, по странному стечению обстоятельств и без просьбы мне прислали завещание Диаса, опубликованное в газете. Содержание его я и раньше знала, решение Диаса понимала и не удивлялась ничему. Но в завещании был адрес сайта. Я торопливо его набрала, чувствуя, что запланированное нами свидание всё-таки состоится.

«Сокровенное от Диаса» (книгу проповедей) я читаю стремительно и в то же время не торопясь. Так бывает, когда мыслью забегаешь вперёд, а спохватившись, оглядываешься и начинаешь вчитываться в каждое слово. Всё ясно и знакомо, но незнаком сам автор – учёный, философ и проповедник одновременно. Два первых – понятны и свои, а третий словно пришёл из далёкого прошлого. Душа его принимает, а мозг пока не спешит.

Поражает обилие материала, которое пришлось проработать, чтобы нарисовать картину современного мира,

его слабостей, пороков, потребностей; проанализировать существующие религии и создать своё Учение в «форме основательных трактатов с глубокой проработкой фундаментальных базисных оснований», как пишет сам Диас.

По сути всё логично и доказуемо. Но сказано специфическим языком, который для автора стал привычным. Так говорят между собой профессионалы, общаясь образами и терминами, собственными только им. А потому в мир Диаса, в его раздумья и Учение надо входить, изначально принимая его язык и манеру изложения, мысля его категориями и понятиями. Тогда всё становится естественно и просто.

Своевременно и обоснованно желание Диаса (и других мыслителей), объединив людей духовно, создать единую планетарную религию, которая впитает в себя всё лучшее, что заложено в религиях других. Что сосредоточит убеждения Диаса, основанные на озарениях и планомерном труде исследователя – философа, психолога и проповедника своих идей.

О состоянии человека в трёх ипостасях: микро-я, макро-я, мега-я, и явной необходимости совершенствовать себя – в стремлении через «лучшее», прийти к идеалу.

О свободе сознания от гнёта существующих религий, которые запугивают человека. А надо взывать к добру. Лишь созидающее добро – носитель осознанной жизни.

Об иерархии богов и месте в этой цепочке богочеловека, об ответственности каждого из нас за себя самого и за ту часть мира, в которой суждено было зачем-то появиться.

О природе добра и зла. О Боге-творце, Небоге-разрушителе за гранью предсказуемого и о человеке между ними, раздираемом противоречиями...

По сути в нашем мире всё триедино – две крайности и то, что находится между ними. И «крайности» в разное время находятся в разной степени своего могущества, и серединная часть не точка, а линия, разные участки которой

в разном состоянии напряжённости. А потому... Но это уже моя мысль уходит в дебри Непознанного, разветвляясь в поиске ответа на вопросы, ещё не решённые, однако затронутые Диасом.

Понятна миссия, которую он возложил на себя, почувствовав призыв и способность. Но я не хочу, не имею морального права переводить творение автора на свой язык. Учение надо читать в оригинале и воспринимать в том объёме, какой может принять ум и ощутить душа. Стараясь понять на чуточку больше, чем можешь, включая воображение и уходя в собственный творческий полёт за пределы Неведомого, стремясь совершенствовать себя, пусть медленно, но упорно приближаясь к Богу-творцу.

Древняя символика, которую Диас предложил – точка в центре круга – логична и объяснима. Это человек в своём Я находится в центре окружающей его Вселенной.

Ясна и мысль о трагедии творца, который считает выпестованное произведение своё незавершённым. Но в этом, по-моему, и есть смысл движения к совершенству, по сути своей – стимул жизни. Не только в этом мире, но и в Высших мирах, которые нам ещё суждено пройти.

Я убеждена: нам всем, тем более людям творческим, в разное время и в разной форме даётся Свыше задание на текущую жизнь. Но не все его слы-

шат, большинство не хочет понять и принять как миссию. Или как естественное желание вложить в существующий мир свою долю добра и веры в добро, которое многолико и многогранно, как сама жизнь.

А может быть и никаких заданий Свыше никому конкретно не даётся? Просто призыв из Вселенной витает, пульсируя в сфере земного пространства, и доступен всем. Но лишь тот, чья душа созрела, ум ждёт и ищет, раскинув чуткие творческие сети, кто способен этот импульс уловить, – к тому и приходят озарения. И он выражает себя и весь мир словом, музыкой, красками, чудесными находками и великими открытиями – тем, что может сделать Невидимое и Неявное для землян – реальным и очевидным.

Прости, Диас, что пишу воспоминания и обращаюсь к твоей Душе не проповедника, провозгласившего новую религию. Разделяя твой образ мысли, принимая твоё Учение, считая его своевременным и нужным, я всё же не могу воспринять тебя как пророка. Ты – мыслитель и художник, который в наше безумное время пытается внести духовный порядок и заставить человека поверить в себя, в то лучшее, что в нём есть.

Для меня ты остаёшься прекрасным человеком, товарищем по перу и единомышленником духовным.

Февраль-март 2011